

Е Линьфэн потянулся к духовным силам, собираясь отправить ответную весточку и разузнать подробности, как Юэ Чэньтань прислал новое сообщение:

— Разве тебе не любопытно, кто жаждет этой встречи?

Е Линьфэн на мгновение лишился дара речи. Между двумя Передачами голоса на тысячу ли не прошло и десяти минут — неужели нельзя было сказать всё разом?

Мысленно выругавшись, он замялся. Угадать было решительно невозможно: в «Павильоне бессмертной музыки» он не знал ни одной живой души, а уж имен — и подавно. Даже если Юэ Чэньтань решит его разыграть и назовёт вымышленное имя, Линьфэн и бровью не поведёт.

Продолжать этот разговор было опасно — недолго и выдать себя. Но и резко менять тему не хотелось, это не вязалось с тем образом ветреного повесы, который он так старательно выстраивал.

Поразмыслив, Е Линьфэн скрылся в своих покоях, плотно притворил дверь и извлек Божественную книгу. Листая страницы в поисках зацепок, он отправил ответный посыл, надеясь потянуть время:

«Жаждет встречи со мной? Тому, кто ищет меня, полагается искать со мной связи напрямую. С чего бы им донимать вас? О-о-о... Кажется, я понял. Молодой господин Юэ сейчас изволит слушать музыку в Павильоне бессмертной музыки? Должно быть, песни не идут на ум, раз уж вы расслышали, как какая-то красавица в хмельном бреду шепчет моё имя? Неужто вы приревновали?»

Едва сообщение улетело, рука Е Линьфэна, перелистывающая книгу, замерла.

Постой-ка. Откуда Юэ Чэньтань вообще узнал, что его ищет кто-то из «Павильона бессмертной музыки»? И даже если узнал, как человек столь безупречного воспитания, оберегающий свою репутацию как зеницу ока, мог оказаться в подобном сомнительном заведении?

— Ты всё не так понял, я вовсе не за песнями туда пришёл... — тут же отозвался Юэ Чэньтань.

— А за красавицами? — подколот его Е Линьфэн.

— Во все нет! Я просто... ох, не знаю, как и объяснить, — в голосе Юэ Чэньтаня слышалось явное замешательство.

Е Линьфэн невольно рассмеялся, но стоило ему поймать своё отражение в полированном стекле неподалёку, как улыбка сползла с его лица.

Если дойдёт до личной встречи и Юэ Чэньтань увидит его в нынешнем облике...

Картина вырисовывалась пугающая.

Стиснув зубы, Е Линьфэн с удвоенным рвением принялся строчить новые послания, решив во что бы то ни стало выведать правду: «Молодой господин Юэ, вы так и не признались, какие красавицы вам по вкусу?»

Нужно было прощупать почву. Выяснить его симпатии, а главное — антипатии, пока они не встретились нос к носу.

Сначала узнать, что ему нравится, потом — что он ненавидит больше всего. А затем... хе-хе, нарядиться самым омерзительным для Чэньтаня образом. Разве не гениально?

Обычно отвечавший мгновенно, Юэ Чэньтань на этот раз замолчал.

Линьфэн расплылся в довольной ухмылке. Наконец-то этот праведник смутился! Видно, и впрямь лишь делал вид, что его ничем не прошибёшь, а стоило копнуть чуть глубже — и всё, дар речи потерял.

«Небось боится, что я и впрямь подсуну ему какую-нибудь сочную и нежную девицу? Ха-ха-ха... А идея-то неплоха! Утащу-ка я его как-нибудь в загул!»

Представив, как этот благородный муж будет краснеть и бледнеть от неловкости, Линьфэн затрясся от беззвучного хохота.

Раз ответа не последовало, он решил подразнить его ещё немного.

«Что же вы молчите, господин Юэ? Неужели вам милы все красавицы без разбору, и вы просто не можете выбрать? Не бойтесь, я не стану над вами смеяться».

Наконец, Юэ Чэньтань не выдержал:

— Вовсе нет. Ты слишком много напридумывал.

Этот тон... это беспомощное оправдание... Прелестно.

Е Линьфэн так глубоко вошёл в роль, что вместо угрызений совести почувствовал лишь азарт. Этот господин Юэ был слишком мягким, слишком податливым. Грех было не поиздеваться над таким простофилей. В этой его невозмутимости и покладистости сквозило что-то почти... очаровательное.

«Ладно, раз вы сами не знаете, кто вам мил, не стану вас мучить», — Е Линьфэн запечатывал слова в духовную энергию, едва сдерживая смех. «Спрошу иначе. Сдаётся мне, такие натуры, как красавец Янькун... то есть, Почтенный Янькун, — не совсем в вашем вкусе, верно?»

Линьфэн устроился на столе, болтая ногами и любясь заснеженным пейзажем за окном. Он вовремя спохватился: людей на вершине горы было мало, но не стоило обсуждать Почтенного вслух.

Ему не терпелось услышать, как Юэ сперва выдохнет с облегчением, а следом снова провалится в бездну неловкости.

— Я глубоко уважаю Почтенного Янькуна. Он — гений среди демонических практиков, и на этом всё, — голос Юэ Чэньтаня звучал ровно и чинно, будто он отвечал на экзамене строгому наставнику. Образцовый ответ истинного культиватора. — Но если говорить о внешности... я видел его лишь на портретах. Это... не мой типаж.

«Подумать только. Обычный трёп между молодыми людьми, а он серьёзен так, будто за неверный ответ его казнят. До чего же сухарь этот господин Юэ, совершенно не понимает шуток».

Линьфэн засомневался: может, Юэ просто не смеет оскорблять столь могущественного мастера? Он принялся допытывать его расспросами, выпытывая детали: «А если бы Почтенный не носил женских платьев? А если бы он был не роковой красавицей, а чистым, нежным юношей? Или утончённым, изысканным музыкантом?» Юэ Чэньтань лишь обречённо отбивался: «Правда, не мой вкус! Слишком вычурно, слишком напоказ... Почему ты думаешь, что он может мне нравиться? Музыканты тоже нет — они слишком хрупкие, честное слово!»

— Фух...

Результат оказался даже лучше, чем Линьфэн ожидал. Он-то думал, что придётся в корне менять имидж, а выяснилось, что нынешний облик, навязанный ему Почтенным, и так бесконечно далёк от идеалов Юэ Чэньтаня.

Нет худа без добра!

Юэ Чэньтань, видимо, сполна вкусил «убийственного» красноречия Линьфэна. Стоило той теме сойти на нет, как он окончательно замолк и больше не пытался отправлять Передачу голоса на тысячу ли, чтобы завязать беседу. Линьфэн добился своего — тишины и покоя.

Впрочем, отказываться от поездки в Павильон он не собирался. Ему позарез нужен был повод спуститься с горы, и неважно куда.

Как бы ни была хороша гора Пинлэ и как бы радушно Янькун ни предоставлял ему земли для тренировок, осторожность превыше всего. Нужно было найти собственное, скрытое от чужих глаз благодатное место, чтобы высадить там собранные материалы и дожидаться, пока новое тело окончательно созреет.

Только так можно было свести к минимуму риск быть узнанным в будущем.

Основы Техники создания тела-заменителя он уже постиг, а оставаться здесь дальше не имело смысла — Янькун дал ему всё, что мог. Дальше предстояло разбираться самому.

Приняв решение, Е Линьфэн выписал из Божественной книги имена нескольких музыкантов и служащих Павильона бессмертной музыки, захлопнул фолиант и отправился к Почтенному Янькуну — просить дозволения уйти.

— Спуститься с горы? И куда же ты собрался?

Раздался мелодичный звон — это столкнулись подвески на изысканном головном уборе. Сегодня красавец Янькун предстал в образе холодной и властной женщины, даже голос его стал тише и мягче.

Линьфэн, давно привыкший к тому, что его покровитель меняет облик чаще, чем погода в горах, ответил без тени смущения:

— Меня пригласил старый друг. Говорит, жаждет встречи. Некрасиво будет отвергнуть столь искренний порыв.

— О? — Янькун тонко улыбнулся. — Раз так, не стану тебя неволить. Но скажи мне, куда именно ты путь держишь? Вдруг мне вздумается испытать на тебе новое снадобье или проверить действие старого — я должен знать, где тебя искать.

— Ну... вообще-то, это «Павильон бессмертной музыки».

Янькун мгновенно прищурился:

— Тогда я еду с тобой!

Линьфэн оторопел. Зачем этому демоническому владыке, который одним своим видом затмит всех обитателей Павильона вместе взятых, ехать в такое место?

Разгромить заведение? Устроить сцену ревности? Или провести полевое исследование общественных вкусов?

— Не бойся, я не собираюсь за тобой следить, — добавил Янькун.

«Ага, как же. Именно это ты и делаешь».

— Раз Почтенному это так интересно, поедem вместе, — Линьфэн неловко улыбнулся. — Только мне всё равно нужно будет встретиться с тем другом.

— Вот как? И что это за друг? Мужчина или женщина? Красив собой?

Линьфэн на мгновение выпал из реальности. Ему почудилось, будто перед ним сидят тётушка с отцом и устраивают допрос с пристрастием: «А кто он? А из какой семьи? А что вас связывает?»

В юности, когда он ещё жил в родовом поместье и не вступил в орден Шэньтянь, каждая его прогулка начиналась с подобной триады родительской заботы.

Конечно, Линьфэн тут же одернул себя: Почтенный Янькун — не тот человек, чтобы играть в папочку.

— Мужчина, демонический практик. Весьма недурен собой. Знакомы недавно, и я... должен ему денег.

«Тьфу ты! Опять ответил по форме, как перед родителями, хотя Янькун ни о чём таком не спрашивал!»

Ему стало чертовски неловко. Линьфэн отвёл взгляд, а Янькун звонко расхохотался:

— Демонический практик? И этот демонический практик оказался богаче тебя?

— Ну... всякое бывает, — уклончиво пробормотал Линьфэн.

Слово «демонический практик» сорвалось с языка случайно — он просто вспомнил прочитанное в Божественной книге. Если бы не она, Линьфэн до сих пор считал бы Юэ Чэньтаня обычным человеком, идущим по пути бессмертия. Чэньтань совсем не походил на демона, да и был учеником ордена Чуюнь — оплота праведности, где к демоническим практикам относились с величайшим подозрением и лишь недавно начали принимать их в свои ряды, дабы избежать обвинений в предвзятости.

Теперь стало ясно, откуда у Юэ такая мощная духовная энергия и почему он так рано достиг стадии сохранения молодости и инедии. Рождённый от двух демонических практиков, каждый из которых практиковал не одно столетие, он с пелёнок опережал обычных смертных на целую жизнь.

Накануне Линьфэну потребовалось немало времени, чтобы смириться с этой вопиющей несправедливостью судьбы.

Сын двух могучих демонических практиков, почти достигших бессмертия... Вот только их истинные облики в голове не укладывались.

Один — четырехсотлетний змей, другая — четырехсотпятидесятилетний орел. И как только они умудрились стать даосской парой, да ещё и произвести на свет такого сына?

— И из какого он ордена? — прервал его мысли Янькун.

— Из Чуюнь, — ответил Линьфэн и тут же насторожился: — А что?

— Хм... Выдвигаемся завтра. Но с твоим другом я встречаться не буду.

Линьфэн немного расстроился — он уже предвкушал, какое зрелище можно было бы устроить, сведя Юэ Чэньтаня с Почтенным, но пришлось подчиниться. В книге упоминалось, что Янькун недолюбливает праведные ордены и вообще предпочитает держаться особняком, сохраняя привычки демонических практиков былых времен.

Лишь на следующий день Линьфэн осознал, что под словами «встречаться не буду» Янькун имел в виду вовсе не то, что он останется в стороне. У этого «не буду» был совсем другой, потаенный смысл.

<http://bllate.org/book/17497/1710608>